

ДЕСКРИПТИВНЫЙ ПОВОРОТ В ЭПИСТЕМОЛОГИИ: БЛАГО ИЛИ НЕСЧАСТЬЕ?

Кузнецова Наталия Ивановна – доктор философских наук, профессор.
Российский государственный гуманитарный университет.
Российская Федерация,
125993, г. Москва,
Миусская пл., д. 6;
e-mail: cap-cap@inbox.ru

Показано, что культурно-историческая эпистемология ошибочно выдвигает тезис о глобальном кризисе сферы современной эпистемологии и философии науки. Ключевая ошибка такого диагноза коренится в путанице основных понятий. В развитии эпистемологических исследований очень важен период последних десятилетий XX столетия, который был назван «дескриптивным поворотом». В философии науки была поставлена задача отразить реальную практику научных исследований. Это успешно выполнялось в целом ряде работ Лакатоса, Куна, Фейерабенда, Латура и других. Задача построения универсальных норм научного исследования отошла на второй план. В связи с этим были различены предметы «методологии науки», с одной стороны, и «эпистемологии» и «философии науки», с другой стороны. Формулировка норм и стандартов научного исследования стала задачей методологии. Описание научной практики, включая научные революции, стало задачей профессиональной истории науки. Философское осмысление процессов исторической эволюции, выявление закономерностей развития науки стали предметом философии науки. Эпистемология в свою очередь призвана рассматривать феномен знания не только в науке, но и более широко – в разнообразных исторических и культурных контекстах. В современных исследованиях в области эпистемологии и философии науки важны case-studies, так как дают бесценный эмпирический материал для философских обобщений. Что касается построения универсальных стандартов научной работы, то такая задача, как показал еще Фейерабэнд, представляется невыполнимой. Более того, универсальный методологический стандарт не позволяет выявить уникальность ситуаций научного поиска.

Ключевые слова: методология, эпистемология, философия науки, дескриптивный поворот, историко-научные исследования, case-studies, кризис философии науки, рациональность

DESCRIPTIVE TURN IN EPISTEMOLOGY: FOR BETTER OR WORSE?

Natalia I. Kuznetsova –
DSc in Philosophy, Professor.
Russian State University
for the Humanities.
6 Miusskaya Sq., Moscow
125993, Russian Federation;
e-mail: cap-cap@inbox.ru

The article shows that cultural-historical epistemology erroneously puts forward the thesis of a global crisis in the sphere of modern epistemology and philosophy of science. The key error of such a diagnosis is rooted in the confusion of basic concepts. In the development of epistemological studies, the period of the last decades of the twentieth century, which was called the “descriptive turn”, is very important. In the philosophy of science, the task was set to reflect the real practice of scientific research. This has been successfully carried out in a number of works by Kuhn, Lakatos, Feyerabend, Latour and others. The task

of building universal norms of scientific research has faded into the background. In this regard, the subjects of "methodology of science", on the one hand, and "epistemology" and "philosophy of science", on the other hand, were distinguished. The formulation of norms and standards for scientific research has become the task of methodology. Describing scientific practice, including scientific revolutions, has become the task of the professional history of science. The philosophical understanding of the processes of historical evolution, the identification of the laws of the development of science has become the subject of the philosophy of science. Epistemology, in turn, is called upon to consider the phenomenon of knowledge not only in science, but also more broadly – in a variety of historical and cultural contexts. In modern studies in the field of epistemology and philosophy of science, case studies are important, as they provide invaluable empirical material for philosophical generalizations. As for the construction of universal standards for scientific work, such a task, as Feyerabend showed, seems to be impossible. Moreover, the universal methodological standard does not allow discovering the uniqueness of scientific research situations.

Keywords: methodology, epistemology, philosophy of science, descriptive turn, history of science, scientific research, case stasis, crisis of philosophy of science, rationality

Радикальность проекта культурно-исторической эпистемологии базируется на убеждении, что сфера эпистемологии, философии и методологии науки находится в глубоком кризисе. Такая диагностика стала модной в семействе гуманитарных наук, но такая мода кажется мне дурной. Неужели гуманитарные исследования никогда не достигают «кумулятивного эффекта» и всегда обречены начинать с нуля? Известнейший американский предприниматель Уоррен Баффетт как-то заметил, что кризис, как отлив: сразу видно, кто купался голым. Кризис в этом плане всегда полезен. Но откуда такая констатация относительно философии науки? Как мне представляется, сторонники культурно-исторической эпистемологии путаются в понятиях сразу в нескольких направлениях.

Во-первых, авторы совершенно не пытаются определить, что следует отнести к «эпистемологии», а что к «философии науки». С моей точки зрения, у этих дисциплин совершенно разные предметы. Во-вторых, авторы проекта считают, что главная функция эпистемологии и философии науки – методологическая. Позвольте здесь не согласиться. В-третьих, авторы совершенно не задумывались над тем, при каких обстоятельствах происходил в последние десятилетия XX столетия так называемый «дескриптивный поворот» в сфере «философии и методологии науки». Да, в тот период времени эти слова стояли накрепко связанными союзом «и» – что выражало то ли кровную, то ли неразрывную брачную связь между двумя гуманитарными отраслями. Но в дальнейшем эти сферы стали достаточно разными по целям и способам работы.

В сложнейших дискуссиях периода постпозитивизма (авторы проекта здесь перечисляют достаточно много имен и направлений) оттачивалась мысль, что при исследованиях науки и процессов ее развития не хватает именно *дескрипций*, а не *прескрипций* (предписаний). П. Фейерабенд удачно выразил различие двух исследовательских позиций: «Мы можем поставить вопросы двух видов, которые я буду называть *вопросами наблюдателя* и *вопросами участника* (participant) <...> Наблюдатель спрашивает: что происходит и что еще может произойти? Участник спрашивает: что я должен делать?» [Фейерабенд, 2010, с. 26]. Именно участник научной традиции *якобы* нуждается в конкретных методологических правилах, нормах, стандартах. Но нужна ли участнику научной работы какая-то «подсказка»? По Фейерабенду, участник спрашивает так: «Должен ли я поддерживать <предлагаемое> взаимодействие? Должен ли препятствовать ему? Или я могу просто забыть о нем?» [там же, с. 26]. И тут, как мы помним, Фейерабенд настаивает: предоставьте участнику самому решать этот вопрос! Всякий унифицирующий стандарт здесь только губителен для живой креативной научной практики. «Наблюдатель хочет знать, что происходило, а участник – что ему делать. Наблюдатель описывает жизнь, в которой сам не участвует (разве только случайно), участник же хочет устроить свою собственную жизнь и спрашивает себя, какую позицию он должен занять по отношению к факторам, пытающимся повлиять на нее» [там же, с. 26–27]. Всякий универсальный стандарт в точке начального исследовательского поиска предательски вторгается в нелегкую ситуацию исследователя. «Эврика» Архимеда, выскользнувшего в восторге голым из ванной, на века стала символом неожиданности найденного решения и, по сути, воочию показывает невозможность нормативного предписания того, как следует действовать в трудной познавательной ситуации. Подсказки здесь возможны, но они срабатывают именно случайным образом. Поиски аналогий, метафор из общего багажа культуры, возможно, единственный путь для первооткрывателя. В свое время была очень популярна книга Эдварда де Боно «Рождение новой идеи» [Боно Э., 1976], в которой ее автор, известный психолог, настаивает на том, что новые идеи приходят отнюдь не в результате логической цепочки рассуждений. И дает совет: выходя из библиотеки, где Вы изучали специальную литературу, надо обязательно взять случайным образом какую-то книгу на полке «общего доступа». Сплошь и рядом именно фраза, абзац «постороннего» текста станет триггером появления новой идеи. Специфический научный юмор по-своему зафиксировал ситуацию рождения пути решения нестандартной задачи. Есть два способа научного творчества – «физиологический» и «архитектурный». В первом случае идея высасывается из пальца, во втором она падает с потолка.

Можно ли использовать «case-studies» в целях философско-методологической работы? Почему бы нет? Вот описание реальной ситуации, которая дала толчок формированию новой научной дисциплины. Рассказывает Норберт Винер: «Мне удалось собрать группу нейрофизиологов, инженеров-связистов и специалистов по вычислительной технике на неофициальный семинар в Принстоне. Выяснилось, что представители каждой из этих профессий были очень рады познакомиться с работами своих коллег и воспользоваться новой для себя терминологией. В результате специалисты в этих различных областях очень быстро начали говорить на одном языке, словарь которого содержал термины, заимствованные и у инженеров-связистов, и у специалистов по автоматическому регулированию, и у нейрофизиологов.

Например, всех их заинтересовали вопросы хранения информации, предназначенной для использования впоследствии, и все пришли к выводу, что слово память (широко применяемое в нейрофизиологии и психологии) хорошо подходит для того, чтобы объединить разнообразные методы хранения информации, рассматриваемые в различных областях науки и техники. Все согласились также, что термин обратная связь, впервые появившийся в электротехнике и подхваченный специалистами по автоматическому регулированию, правильно описывает многие явления не только в машинах, но и в живых организмах. Наконец, все были согласны измерять количество информации числом ответов типа «да» или «нет» и в конце концов остановились на термине «двоичная единица» или «бит» [от «binary digit»] для обозначения этой единицы количества информации. Я считаю, что встреча в Принстоне дала жизнь новой науке – теории управления и связи в машинах и живых организмах» [Винер, 1964, с. 157–158]. Успех междисциплинарной группы очевиден: участники стремились к взаимодействию, и оно им удалось, вплоть до выработки особого языка новой дисциплины. Взаимодействие столь разных специалистов было обеспечено умением председателя семинара находить простые модели и изъясняться метафорами и притчами, понимание которых позволяло не углубляться в технические детали. Поэтому рассказ Винера весьма информативен и полезен. В процессе междисциплинарной коммуникации председатель (медиатор) переходит от употребляемых специалистами понятий к процедуре «категоризации»: появляются общие для всех представления («память», «информация», «обратная связь» и т.п.). Вопрос к методологам: можно ли такую работу назвать «общением», характеризовать как «сферу разговора»? С моей точки зрения, ни в коей мере! Не пользуется Винер ни методами герменевтики, ни методами «пассивной» или «активной» интерпретации. Речь о создании онтологической модели, в рамках которой отдельные исследователи смогут «разместить» добытые

ими в исследовательской практике знания. А это совсем другая работа – по смыслу и задачам, – чем коммуникация.

На колоссальную разнородность научного труда указывал Фейерабенд, когда настаивал на том, что единственно серьезный методологический принцип, который можно рекомендовать ученому, есть принцип «anything goes». Он вспоминал спокойное замечание А. Эйнштейна: «Внешние условия не позволяют ученому при построении его концептуального мира ограничиваться приверженностью какой-то одной из эпистемологических систем. Поэтому систематическому эпистемологу он должен казаться каким-то беспринципным оппортунистом» [цит. по: Фейерабенд, 2010, с. 283]. Именно «оппортунистом», думаю, рисуется портрет современного ученого авторам культурно-исторической эпистемологии – прагматиком, оупленным погоней за повышением «индекса Хирша», лишенным какой-либо индивидуальной исследовательской траектории в рамках современной мегасайенс. В рамках такого видения звучит их страстный и благородный призыв: во что бы то ни стало ученому необходимо остаться рационалистом, ибо в противном случае он утратит целевой смысл специфической научной деятельности. Методология и ее нормативные установки сохраняют рациональность в науке как величайшую ценность человеческой культуры.

А вот мне аргументы Фейерабенда кажутся совершенно релевантными именно в отношении рациональности. Уже в период постпозитивизма расходились пути «hard» и «soft methodology». «Дескриптивный поворот» позволил заглянуть в реалии научной жизни. Перечислю известное: становление астрономической картины Солнечной системы [Kuhn, 1957]; пути доказательства стереометрической теоремы Эйлера [Лакатос, 1967]; телескопические наблюдения Галилея [Фейерабенд, 2007]; исследование лабораторной жизни в Институте биологических исследований Д. Солка [Latour, Woolgar, 1979]; приключения «постоянной Планка» [Kuhn, 1987]; практики создания и использования научных атласов [Дастон, Галисон, 2018] и др. На этой базе строилось философское осмысление важнейших достижений, ставших классикой науки.

Авторы уверены: необходим «поворот к рефлексивному самознанию отдельного ученого, который экзистенциально ориентирован на приобщение к преемственной истории науки и последовательно представляет сообществу этот свой выбор». Но! Еще Кун предупреждал: мы не знаем историю науки именно потому, что находимся в плену тех «историй», которые излагают учебники по соответствующим дисциплинам или ученые в своих публикациях [см.: Kuhn, 1962]. Вспомним о различии «контекста открытия» и «контекста обоснования» научного результата. В научных публикациях устанавливается «преемственность», которая необходима для вписывания полученного результата в систему знаний, для проверки на когерентность

новых результатов с тем, что уже познано. «Преемственная история науки» – это то, что в англоязычной литературе, с легкой руки Герберта Баттерфилда [Butterfield, 1931] и Джорджа Стокинга-мл. [Stoking, 1965], принято теперь иронично называть «вигианской историей» науки. Получается этакое лихое повествование о когнитивной победе, о твердом и поступательном пути к прогрессу, хотя временами приходилось преодолевать некоторые «ошибки».

Протестуя против подобной прямолинейности большинства тезисов культурно-исторической эпистемологии, хотелось бы закончить замечательно красивым афоризмом арабского мыслителя: «...Мрак смятения – тень света» [Джебран, 2002]. Рациональный научный поиск сам по себе рождает хаос и неуверенность в душе ищущего исследователя, как мы, философы, можем такое отрицать?

Список литературы

- Боно, 1976 – *Боно де Э.* Рождение новой идеи. М.: Прогресс, 1976. 146 с.
- Винер, 1964 – *Винер Н. Я* – математик. М.: Наука, 1964. 360 с.
- Дастон, Галисон, 2018 – *Дастон Л., Галисон П.* Объективность / Пер. с англ. Т. Вархотова, С. Гавриленко, А. Писарева. М: НЛЮ, 2018. 584 с.
- Джебран, 2002 – *Джебран Х. Дж.* Душа / Пер. И. Крачковского // Странник. Притчи и речения. М.: Сфера, 2002. С. 120–121.
- Лакатос, 1967 – *Лакатос И.* Доказательства и опровержения / Пер. с англ. И.Н. Веселовского. М.: Наука, 1967. 152 с.
- Фейерабенд, 2010 – *Фейерабенд П.* Наука в свободном обществе / Пер. с англ. А.Л. Никифорова. М.: АСТ, 2010. 378 с.
- Фейерабенд, 2007 – *Фейерабенд П.* Против метода. Очерк анархистской теории познания / Пер. с англ. А.Л. Никифорова. М.: АСТ, 2007. 413 с.
- Butterfield, 1931 – *Butterfield H.* The Whig Interpretation of History. London: G. Bell, 1931. 83 p.
- Kuhn, 1987 – *Kuhn T.* Black-Body Theory and the Quantum Discontinuity, 1894–1912. Chicago: University of Chicago Press, 1987. 398 p.
- Kuhn, 1962 – *Kuhn T.* The Structure of Scientific Revolutions. Chicago: University of Chicago Press, 1962. 221 p.
- Kuhn, 1957– *Kuhn T.* The Copernican Revolution. Harvard University Press, 1957. 297 p.
- Latour, 1979 – *Latour B., Woolgar S.* Laboratory Life. The Construction of Scientific Facts. Princeton University Press, 1979. 294 p.
- Stoking jr., 1965 – *Stoking jr. G.W.* On the Limits of 'Presentism' and 'Historicism' in the Historiography of the Behavioral Sciences // Journal of the History of the Behavioral Studies. July, 1965. Pp. 211–212.

References

- Butterfield, H. *The Whig Interpretation of History*. London: G. Bell, 1931, 83 pp.
- Daston, L., Galison, P.; T. Varkhotov, S. Gavrilenko, A. Pisarev (trans.) *Ob "ektivnost'"* [Objectivity]. Moscow: NLO, 2018, 584 pp. (In Russian)
- Feyerabend, P.; A.L. Nikiforov (trans.) *Nauka v svobodnom obshchestve* [Science in a Free Society]. Moscow: AST, 2010, 378 pp. (In Russian)
- Feyerabend, P.; A.L. Nikiforov (trans.) *Protiv metoda. Ocherk anarkhistskoi teorii poznaniya* [Against Method: Outline of an Anarchic Theory of Knowledge]. Moscow: AST, 2007, 413 pp. (In Russian)
- Gibran, Kh.; I. Krachkovsky (trans.) "Dusha" [Soul], in: *Strannik. Pritchi I recheniya*. [The Stranger. Parables and Talks]. Moscow: Sfera, 2002, pp. 120–121. (In Russian)
- Kuhn, T. *Black-Body Theory and the Quantum Discontinuity, 1894–1912*. Chicago: University of Chicago Press, 1987, 398 pp.
- Kuhn, T. *The Copernican Revolution*. Harvard University Press, 1957, 297 pp.
- Kuhn, T. *The Structure of Scientific Revolutions*. Chicago: University of Chicago Press, 1962, 221 pp.
- Lakatos, I.; I.N. Veselovsky (trans.) *Dokazatel'stva i oproverzheniya* [Proofs and Refutations]. Moscow: Nauka, 1967, 152 pp. (In Russian)
- Latour, B., Woolgar, S. *Laboratory Life. The Construction of Scientific Facts*. Princeton University Press, 1979, 294 pp.
- Stoking jr., G.W. "On the Limits of 'Presentism' and 'Historicism' in the Historiography of the Behavioral Sciences", *Journal of the History of the Behavioral Studies*, July 1965, pp. 211–212.
- Wiener, N. *Ya – matematik* [I Am a Mathematician]. Moscow: Nauka, 1964, 360 pp. (In Russian)
- De Bono, E. *Rozhdenie novoi idei* [New Thinking]. Moscow: Progress, 1976, 146 pp. (In Russian)